

Подосинникова Юлия Сергеевна

**ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ В ПРОЗЕ Г. ГАЗДАНОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА "LES CHEMINS NOCTURNES" В
ПЕРЕВОДЕ Е. БАЛЬЗАМО)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 163-166. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 82-3

Подосинникова Юлия Сергеевна

Астраханский государственный университет

ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ В ПРОЗЕ Г. ГАЗДАНОВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «LES CHEMINS NOCTURNES» В ПЕРЕВОДЕ Е. БАЛЬЗАМО)[©]

В разнообразном и богатом творческом наследии Г. Газданова, писателя-эмигранта первой половины XX века, поднимаются многие вечные проблемы: о смысле жизни, трагизме человеческого бытия, о красоте и величии любви, о добре и зле, о преступлении и наказании, о человеке и социальной среде, об относительности счастья, о выборе жизненного пути и др. Его творчество пронизано острым ощущением напряженной потребности жить, действовать, размышлять, спорить. И рядом с иронией и скептицизмом, разочарованием во всем и вся присутствует удивительная нежность к человеку, сожаление об ограниченности его жизненного пути.

В данной работе была предпринята попытка исследования лирико-философских отступлений в романе «Les chemins nocturnes» и интерпретация их использования автором для выявления философских теорий, оказавших влияние на мировоззрение и прозу Г. Газданова в аспекте определения ценностной программы писателя.

Так философия А. Шопенгауэра (1788-1860), немецкого мыслителя и представителя философии пессимизма, близка, на наш взгляд, философии героя-рассказчика из романа «Les chemins nocturnes», который не деградировал подобно остальным его соотечественникам, оказавшимся в чужой стране, а, напротив, смог сохранить волю к жизни и её продолжению:

«...où que j'aïlle, les circonstances, toujours, font que je ne voie que la mort, la destruction; et parce que je ne puis pas les oublier, toute ma vie en est empoisonnée...» «J'avais le sentiment... aspiré à me sauver coûte que coûte» [1, с. 78].

«... обстоятельства складываются так, что всюду, куда бы я ни попал, я вижу всегда умирание и разрушение, и оттого, что я не могу этого забыть, вся жизнь моя отравлена этим...» «У меня было непреодолимое желание спастись во что бы то ни стало» [Там же].

Мы также можем констатировать пессимистический характер философии героя-рассказчика, который сближает его с Платоном, его постоянным собеседником в ночном кафе:

«...la tragique absurdité de mon existence se manifestait avec une telle évidence, que pendant ces instants je saisissais nettement ce à quoi on ne doit jamais penser, car cela mène au désespoir, à l'asile ou à la mort» [4, р. 38].

«...трагическая нелепость моего существования представала передо мной с такой очевидностью, что только в эти минуты я отчетливо понимал вещи, о которых человек не должен никогда думать, потому что за ними идет отчаяние, сумасшедший дом или смерть» [1, с. 177].

Однако, и герой-рассказчик, и Платон ищут для своего пессимизма логическое оправдание:

«...il n'existait aucune culture française, en tout cas, pas à notre époque; avant la guerre 1914, les derniers restes en subsistaient encore, tant bien que mal, mais à l'heure actuelle? Il aurait été dérisoire de la chercher parmi ceux qui composaient aujourd'hui la classe privilégiée de ce pays et qui n'étaient que canaille inculte» [4, р. 207].

«...никакой французской культуры нет, по крайней мере, в настоящее время; до войны четырнадцатого года ее последние остатки владели жалкое существование, но теперь? - было бы нелепо ее искать в той среде, из которой состоит привилегированный класс Франции и которая представляет собой невежественную сволочь» [1, с. 345].

А. Шопенгауэр принимал мировое зло за нечто само собой разумеющееся, а свой пессимизм он объяснял тем, что человеческие желания бесконечны, и удовлетворить их невозможно. На место удовлетворенного желания заступают десять других, и даже если бы все желания были удовлетворены, результатом была бы лишь скука.

Мы отмечаем влияние философии А. Шопенгауэра на формирование мировосприятия и мироощущения у героев Г. Газданова.

По мнению А. Шопенгауэра, от борьбы и боли можно спастись тремя способами. Первый - созерцание произведений творческого гения, в которых отражаются вечные идеи. Этот путь приносит временное облегчение. Второй - моральная жизнь, уменьшающая страдание, поскольку главной добродетелью является страдание, т.е. отождествление собственной страдающей воли с той, что присуща другим людям и животным. Полнота спасения достигается, однако, лишь через отрицание воли, отказ от самости и желаний - через бесстрастную аскетическую жизнь.

На наш взгляд, герой-рассказчик из романа «Les chemins nocturnes», более или менее, близок ко второму пути, поскольку благодаря высоким чувствам пытается преодолеть отчужденность себя от мира и проявляет заботу об окружающих его людях (Ральди, Алиса, Федорченко).

Характерными для романа «Les chemins nocturnes» оказываются категории выдающегося французского философа XX в. А. Бергсона (1859-1941), которые, использованные Г. Газдановым в романе, предстают в виде решения, в первую очередь, методологических задач, связанных с формой, манерой изложения материала. Они лежат в основе интуитивных построений, ассоциативных рядов, из которых строится вся газдановская проза.

«Les métamorphoses dues aux changements des conditions matérielles étaient si spectaculaires, qu'au début je refusais d'y croire. J'avais l'impression de me trouver dans un gigantesque laboratoire où se déroulaient des expériences sur les formes d'existence humaine, où le destin se plaisait à transformer les jolies femmes en vieillardes, des richards en gueux, les hommes respectables en mendiants professionnels; ces mutations s'effectuaient avec une simplicité surprenantes, incroyable. Comme dans un rêve, je me rappelais, je reconnaissais ces gens...» [4, p. 53].

«Превращения, которые происходили с людьми под влиянием перемены условий, бывали настолько разительны, что вначале я отказывался им верить. У меня получалось впечатление, что я живу в гигантской лаборатории, где происходит экспериментирование форм человеческого существования, где судьба насмешливо превращает красавиц в старух, богатых в нищих, почтенных людей в профессиональных попрошайек, - и делает это с удивительным, невероятным совершенством. Я как сквозь сон вспоминал и узнавал этих людей...» [1, с. 193].

Известно, что философия А. Бергсона носила метафизический характер и развивалась в традиции европейской спекулятивной философии; при этом она содержала новые идеи о природе жизни, эволюции, реальности и познания.

Мы считаем, что от А. Бергсона Г. Газдановым была перенята не столько сама метафизика нобелевского лауреата, сколько, формы, в которых она излагалась, как, например, «поток сознания», «жизненный порыв», «воспоминание о настоящем» и важное для понимания французского философа и писателя-эмигранта противопоставление пространства и времени.

«Je souhaitais annihiler cette expérience, afin que disparaisse cette pénible image du monde, pour la remplacer par quelque tableau harmonieux et lumineux, une symphonie gracieuse et bien agencée d'une humanité heureuse» [4, p. 148].

«И неоднократно мне хотелось, разом, в один короткий день, забыть все, что мне пришлось видеть, испытать и узнать, - для того, чтобы исчезло это тягостное видение мира и заменилось бы каким-либо сверкающим и гармоническим представлением, чем-то вроде сложной и стройной симфонии счастливого человечества» [1, с. 291].

В романе «Les chemins nocturnes» ясно прослеживается философская позиция немецкого философа-младогегельянца и идеолога анархизма М. Штирнера (1806-1856), а именно преодоление героем-рассказчиком конфликта между разумом и чувствами, между «рассудком и сердцем».

Главный герой (он же рассказчик) книги находится в плену чувств, хотя и не предпринимает ничего, что могло бы принести ему наслаждение, но в то же время рассматривалось бы как асоциальный поступок. Мы акцентируем внимание на сцене, с которой начинается роман, когда герой удовлетворяет своё любопытство (получает наслаждение), наблюдая за старушкой-калекой в инвалидной коляске:

«Je la regardais s'éloigner, étouffé par la pitié, par un sentiment d'irrévocabilité et une curiosité dévorante qui ressemblait à la sensation physique de la soif... Ce désir insatiable qui, ces dernières années, ne me quittait jamais a été d'appréhender si possible les destins étrangers» [4, p. 19].

«Я смотрел ей вслед, почти задыхаясь от сожаления, сознания совершенной непоправимости и острого любопытства, похожего на физическое ощущение жажды. Но вид этого удаляющегося инвалидного кресла и медленный его скрип, отчетливо слышимый в неподвижном и холодном воздухе этой ночи, вдруг пробудил во мне то ненасытное стремление непременно узнать и попытаться понять многие чужие мне жизни, которое в последние годы почти не оставляло меня» [1, с. 157].

При этом рассказчик не испытывает никаких чувств, кроме презрительного сожаления, которое можно было бы рассмотреть как некое разделение печали или радости по отношению к заинтересовавшему его человеку.

Однако знакомство с бывшей куртизанкой Жанной Ральди (Jeanne Raldi), спившимся чиновником, ставшим клошаром Платоном (Platon), трагическая драма соотечественника героя-рассказчика, коммерсанта Федорченко (Mr. Fedor), заставляют его изменить взгляд на мир, пересмотреть систему ценностей. Он перестает воспринимать окружающих его людей как «живую человеческую пададь» (les raclures de l'humanité).

Так, в частности судьба Ральди - когда-то дамы полусвета, обладающей незаурядным умом, выгодно отличавшим её от остальных, но лишившейся из-за пристрастия к наркотикам своего состояния и вынужденной зарабатывать на жизнь проституцией, находит ответные чувства у героя-рассказчика.

«Raldi me faisait pitié; je n'avais pas le courage de lui parler comme je l'aurais voulu, franchement» [4, p. 71].

«Мне было жаль Ральди, у меня не хватало жестокости говорить с ней так, как мне хотелось, то есть со всей откровенностью» [1, с. 210].

В дальнейшем герой-рассказчик будет стремиться в меру своих сил помочь этой довольно немолодой и к тому же смертельно больной женщине.

«Je lui laissai un peu d'argent et promis de repasser un de ces jours. Toute la journée je pensai à elle et craignis de revenir trop tard» [4, p. 169].

«Я оставил ей денег и обещал вернуться на днях. В течение суток я все вспоминал о ней и думал, что, может быть, опоздаю» [1, с. 309].

«Elle tendit le bras vers la table de chevet et pris un verre d'eau. Ses doigts tremblaient si fort, qu'elle ne parvint pas à l'approcher de sa bouche. J'attrapai une cuiller et me penchai vers elle» [4, p. 171].

«Она протянула руку к ночному столику и взяла стакан воды. Но пальцы ее так сильно дрожали, что она не могла поднести его ко рту. Я стал поить ее с ложки и наклонился над ней» [1, с. 311].

«Je demandai à un de mes amis, un jeune médecin très doué, de l'examiner. En quelques mots je résumai son histoire et décrivis, comme je pus, sa maladie» [4, p. 172].

«Среди моих друзей был молодой и очень талантливый доктор, к которому я обратился с просьбой осмотреть Ральди. Я рассказал ему в нескольких словах ее историю и описал, как мог, ее болезнь» [1, с. 312].

Что касается Федорченко, существование которого не вызывало у героя-рассказчика ничего, кроме жалости и отвращения, стало вызывать у него сострадание, даже ответственность за судьбу своего соотечественника.

«J'éprouvais une sorte de honte pour Fédortchenko, comme si j'étais responsable de lui...» [4, p. 94].

«Я испытывал неловкость за Федорченко, точно я в чем-то был ответственен за него...» [1, с. 234].

На наш взгляд, наиболее близкой герою-рассказчику, как всестороннему наблюдателю становится позиция Платона.

«Il était une des rares personnes dont le sort ne m'était pas indifférent... en outre, son destin recelait, pour moi, une leçon...» [4, p. 242].

«Он был один из немногих людей, судьба которых мне не была безразлична... И помимо всего, в его судьбе было нечто поучительное для меня лично...» [1, с. 379].

М. Штирнер рассматривал мир как объект, враждебный по отношению к отдельно взятому индивиду, «единственному», и в то же время, как его «собственность». В силу того, что всё в этом мире «стоит за себя и вместе с тем вступает в постоянные столкновения со всем другим, становится неизбежной борьба за самоутверждение». Для того чтобы понять, что он обладает миром, индивид должен «найти себя в том водовороте, в котором он кружится вместе с остальными... победить» [3, с. 10]. В первую очередь, необходимо преодолеть конфликт разума (совести, бескорыстия) и чувств (эгоизм), который характерен для юношества, когда такие ценности, как истина, свобода, человечность, человек и т. д., «освещают и вдохновляют молодую душу», когда «легко отдать свою жизнь... за ничто, за самое вздорное оскорбление чести» [Там же, с. 14].

«Возмужалый» человек тем и отличается от юноши, что принимает мир, каким он есть, вместо того, чтобы всё в нём осуждать и исправлять, стараться переделывать его сообразно своему собственному идеалу. В зрелом человеке укрепляется взгляд, что нужно руководствоваться своими интересами, а не своими идеалами.

Иллюстрацией проявления описанного М. Штирнером конфликта разума и чувств или же стоящих за ними двух противоположных аксиологических систем является роман Г. Газданова «Les chemins nocturnes», одновременно роман можно рассматривать и как своеобразное «прощание» с кумиром юноши.

В романе «Les chemins nocturnes» также отражены идеи немецкого философа Ф. Ницше (1844-1900), а именно его идея о «человеке в поисках гибели», представленная образом эмигранта Васильева, злого гения Федорченко. В отмеченном печатью безумия сознании Васильева был *«un univers figé et sinistre, imprégné de terreur et de sang... il entraît dans cette période de sa vie où les meurtres qu'il portait en lui depuis tant d'années, les horreurs muettes de son imagination, allaient enfin surgir simultanément dans leur flux irrésistible, pour provoquer le seul dénouement possible - l'alpha et l'oméga de cette série tragique - la mort»* [4, p. 123].

«...был целый неподвижный и злоеущий мир, весь пропитанный террором и кровью... Словом, наступало то время в его жизни, когда наконец, вся эта последовательность убийств, которую он столько лет носил в себе, весь этот безмолвный ужас его воображения должны были мгновенно всплыть и появиться перед ним во всем своем неотразимом многообразии, и это могло повести только к одному - альфа и омега всей этой трагической серии - к смерти» [1, с. 263].

Герой, испытывающий острую форму мании преследования, кончает свою жизнь самоубийством, предварительно застрелив случайного прохожего, принятого им за шпиона. Но до этого он отравляет своими идеями совершенно неподготовленную душу Федорченко, который, не выдержав ощущения неразрешимых «проклятых вопросов» о смысле бытия и философии гибели Васильева, также кончает с собой.

Близость идей Васильева философии Ф. Ницше подчёркивается ссылками героя Г. Газданова на немецкого мыслителя:

«...les meurtres dont parlait Vassiliev, ne constituaient pas l'unique sujet de ses monologues. Ils contenaient en outre des commentaires et des citations de Nietzsche dont Suzanne avait même retenu le nom; elle me demanda si j'avais entendu parler d'un homme qui s'appelait «Niche» et qui devait être allemand» [4, p. 133].

«...бесконечные убийства, о которых всегда говорил Васильев, были не единственной темой его речей, он приводил всевозможные рассуждения и цитаты из Ницше, фамилию которого Сюзанна даже запомнила; она спросила меня, слышал ли я о человеке, которого зовут «Ниши», кажется это какой-то немец» [1, с. 274].

Главный метод философствования Габриэля Марселя (1889-1973), основателя французского католического экзистенциализма, несомненно, близок и Г. Газданову. Он заключается в описании опыта переживания личности.

Вопрос о бытии - об «утрате» бытия, об отчуждении от него - Г. Марсель поместил в центр философствования, что объективно сближает его с экзистенциалистско-персоналистской мыслью.

Философская система Г. Марселя, построенная на базовой для мыслителя оппозиции «быть - иметь» (*être - avoir*), нашла своё отражение и в романе *«Les chemins nocturnes»*.

«Обладание» - категория, с помощью которой католический философ пытается зафиксировать черты «неподлинности», обусловленные неумеренными желаниями (они предшествуют стадии обладания), гипертрофированной «волей к власти» и т.д.

В результате доминанции стремления «обладать», по Г. Марселю, «современная эпоха характеризуется... выходом понятия функции за назначенные ему пределы». В результате человек мыслит себя «как всего лишь элементарное сопряжение функций» [2, с. 73].

«Бытие» - главная характеристика присутствия человека в мире, зависящего, в конечном счете, от Бога и Его промысла, от обеспечиваемого Богом единства тела и духа индивидов. Оно достигается посредством сосредоточенности (*recueillement*), при помощи которой человек познаёт себя, свои мысли и поступки, проникает в Тайну (*Mystère*) бытия. В результате возникает расположенность (*disponibilité*) к Богу и людям, обретение онтологического бытия. «Бытие» включает в себя бескорыстную любовь, социальное служение и заботу по отношению к ближним. «Бытие» является философской категорией, обозначающей истинное существование человека, восстанавливающей утраченное им достоинство.

Итак, преодоление отчуждения себя от мира и внутреннего самоотчуждения достигается благодаря высоким чувствам, которые испытывает герой-рассказчик из романа *«Les chemins nocturnes»* по отношению к Платону, Ральди, Федорченко.

В свою очередь Платон пытается восстановить утраченное им достоинство.

«Il portait un smoking; son visage, toujours négligé, était soigneusement rasé et, de ce fait, complètement transformé; il avait l'air grave, et je me dis que cette propreté impeccable devait lui être coutumière, mais que d'ordinaire elle se cachait derrière son poil épais. Il me salua puis, en ôtant son chapeau d'une main qui avait perdu l'habitude de ce geste, s'inclina devant Raldi» [4, p. 73].

«Он был в смокинге; и всегда небрежное его лицо было свежесвежесобрито, отчего совершенно изменилось и приобрело печальную важность, и я подумал, что его несомненная чистая очевидность, должно быть, была вообще характерна для него, но скрывалась обычно густой щетиной. Он поздоровался со мной и низко поклонился Ральди» [1, с. 212].

Проанализировав лирико-философские отступления в романе Г. Газданова *«Les chemins nocturnes»*, мы пришли к следующим выводам.

Теории европейских философов конца XIX - начала XX вв. А. Шопенгауэра, А. Бергсона, М. Штирнера, Ф. Ницше, Г. Марселя, несомненно, были близки Г. Газданову и нашли свое отражение в романе.

Таким образом, философские влияния на Г. Газданова, его мировоззрение и творчество можно условно разделить на три уровня.

1. Мыслители, посредством которых он подчеркивал характерные черты своих героев (А. Шопенгауэр, Б. Паскаль).
2. Мыслители, идеи которых в значительной степени оказали концептуалистическое воздействие на композиционную структуру и содержание газдановской прозы (М. Штирнер и Ф. Ницше, А. Камю и Г. Марсель).
3. Философы, чьи взгляды повлияли на мирозерцание писателя, определили стиль его повествования (Д. Беркли и А. Бергсон).

Список литературы

1. Газданов Г. Вечер у Клэр. Ночные дороги: романы. СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Марсель Г. Метафизический дневник // Он же. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
3. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994.
4. Gazdanov G. *Chemins nocturnes* / traduit du russe par Elena Balzamo. VIVIANE HAMY, 2002.